

Красавец, сгорая от стыда, ощутил, как Шаньюй провёл по нему языком. Мужчина крепко сжал его бёдра, щетинистое лицо приблизилось к самому сокровенному месту, и началось грубое, настойчивое ласкание. Красавец, не в силах сдержать стыда, заплакал. Чёрный лоснящийся соболий мех оттенял его белоснежную кожу, делая её ещё более соблазнительной. Уставившись в темноту шатра, он снова расплакался, думая о брате, мечтая о его объятиях и ласке. Как же он любил брата! Зачем же тот отправил его в это место? Слёзы текли по щекам, низ уже был влажным от языка Шаньюй. Грубый язык входил в него, щетина на подбородке колола нежную кожу вокруг, вынуждая стонать.

Обхватив голову Шаньюй, Красавец плакал и постанывал, тело его непроизвольно отзывалось. Фарфорово-белое личико залилось румянцем, тонкие щиколотки сами собой обвилились вокруг шеи мужчины, а бёдра задвигались в развратном ритме. Он прижимал лицо Шаньюй к себе, выгибая спину и поднимая таз, голова была откинута, и сквозь слёзы он смотрел на лунный свет у входа в шатёр, его стоны смешивались с плачем:

— Ммм... Ах... А-а-а...

Его тело уже было мокрым, мягкая, податливая плоть сжимала язык Шаньюй, пульсируя в такт. Шаньюй довёл его до дрожи, с удовлетворением наблюдая, как изнеможённый Красавец жаждет его. Мужчина сбросил одежду и тяжело навалился на него.

Густая волосатая грудь снова придавила лицо Красавца, и на этот раз, быть может, из-за нахлынувшего желания, он почувствовал слабую искру удовольствия. Огромный член Шаньюй грубо вошёл в него, и его ненасытное лоно, только что ласканное языком, жадно приняло грубый ствол. Шаньюй прижал его, двигаясь, а Красавец, уткнувшись лицом в грудь мужчины, вдыхал его тяжёлый, густой запах — помесь сырной остроты и каких-то незнакомых благовоний. В любом случае, запах был неприятен. Мужчина держал его в железных объятиях, почти заточив между своим телом, и продолжал жёстко трахать, слушая, как тот рыдает под ним.

Шаньюй никогда не встречал такого плаксивого красавца. Сначала его нытьё раздражало, но теперь мужчина начал находить в этом особую прелесть. Он прижимал тело Красавца, безжалостно вгоняя в него весь свой член, и с наслаждением выдохнул:

— Яньчжи, ты прекрасен.

Красавец, униженный мужчиной на голову выше его, уже плакал от отчаяния. Его тело больше не было чистым, оно было залито слюной и семенем этого вонючего варвара. Под гнётом мучительного насилия он постепенно погружался в пучину разврата. К полуночи Шаньюй уже довёл его тело до изнеможения, но мягкая дырочка, казалось, всё ещё не могла насытиться, судорожно сжимая член. Ноги Красавца обвилились вокруг талии Шаньюй, он стонал от удовольствия, рот его был полон слюны. Шаньюй тоже был измотан, чувствуя, как тело Яньчжи отзывается на него, он продолжал трахать его, спрашивая:

— Яньчжи, хорошо тебе?

Красавец широко раздвинул ноги, обхватив шею Шаньюй, и, утопая в наслаждении, не хотел отпускать. Движения мужчины были грубыми и яростными, несравнимо более жёсткими, чем у брата, его тяжёлое тело било по нему, заставляя чувствовать, будто вот-вот описаешься. Его лоно было уже залито спермой, но Шаньюй, держа его за ягодицы, продолжал трахать в самой примитивной позе. Красавец опустил взгляд и увидел, как его покрасневшая промежность принимает в себя толстый чёрный член, и от стыда снова готов был заплакать. Этот член был

длинным и огромным, он доставал до самой глубины, и с каждым толчком ягодицы Красавца судорожно сжимались. Когда Шаньюй снова был готов извергнуться, Красавец вдруг в ужасе оттолкнул его, попытался перевернуться и отползти, желая избежать семени внутри. Но мужчина и не думал отпускать; он, словно медведь, навалился на него сзади, ещё несколько раз грубо вошёл и полностью заполнил его своим семенем. Тело Красавца сотрясло от оргазма, он извивался в развратных судорогах, прижимаясь к низу живота Шаньюя, а мужчина крепко прижимал его к себе, тяжело дыша и мня его грудь, продолжая мелко и быстро двигаться, пока Красавец не потерял сознание от наслаждения. До самого утра он сидел на бёдрах Шаньюя, его тело уже полностью подчинилось разврату, и он умолял мужчину войти глубже и сильнее, потому что внутри всё невыносимо чесалось.

Шаньюй немного помучил его, двигаясь неспешно и размеренно. Красавец, плача, обернулся, обнял его и стал выпрашивать поцелуи, умоляя быть жёстче. Когда Шаньюй наконец послушался и начал трахать его со всей силой, Красавец застонал от удовольствия — его дырочка уже была разорвана, и теперь ему требовался большой член Шаньюя, чтобы жёстко его заполнить.

Красавец ещё в ханском дворце был приучен к разврату своим братом, наивно надеясь забеременеть от него и каждую ночь умоляя, чтобы брат трахал его перед сном. После того как его отправили в брак ради мира, он сначала два месяца провёл под домашним арестом во дворце, а потом ещё три месяца был в пути, так что почти полгода его тело не знало должной ласки. Дикость Шаньюя полностью разбудила его испорченную натуру. Сидя на коленях мужчины, он смотрел на его грубое лицо, чувствуя, как его уродливый член заполняет его нутро, и готов был взлететь от наслаждения.

Шаньюй считал его слишком похотливым — они провели вместе всего две ночи, а он уже сам начал приставать. Но он не знал, что год назад Красавец уже был развращён своим братом, который не давал ему покоя ни днём ни ночью. В ханском дворце было много игрушек, и в те дни, когда брата не было рядом, он заставлял его зажимать между ног нефритовый дилдо. Если бы братья не занимались этим так часто — почти каждую ночь после того, как признались друг другу в чувствах, — Вдовствующая императрица не обнаружила бы их так скоро.

Красавец стоял на коленях на кровати, а Шаньюй, стоя сзади, продолжал его трахать. Он прикусил губу и оглянулся; в лунном свете лицо Шаньюя казалось чуть чище, и на мгновение ему померещился брат, будто они тайно занимаются любовью в царском дворе. Шаньюй приподнял его мягкое тело, почувствовав мочу между его ног, и с недовольством буркнул:

— И совсем не можешь сдерживаться.

Красавец лишь обвился вокруг него и заёрзал:

— Ммм... Ах...

Его размякшее, будто бескостное тело обвилось вокруг мужчины. Шаньюй, удовлетворившись, вытер его, обнял и уснул.

Всю ночь Красавец спал сладко, его тело было удовлетворено, а дырочка по-прежнему была заполнена членом Шаньюя. Тот отпустил его лишь под утро.

Он проснулся только к полудню. В шатре никого не было, слуги и прислужники ждали снаружи. Тело его было прикрыто белой лисьей шкурой, а само оно, измученное, было мягким и слабым. Красавец вспомнил, как прошлой ночью Шаньюй заполнил его своим членом, как его грубое тело почти раздавило его, как сосок был покусан до крови, а низ был влажным.

Внутри всё ещё было полно спермы, и, пошевелившись, он увидел, что чёрный соболий мех покрыт засохшими пятнами, — от стыда ему захотелось провалиться сквозь землю.

Тело было слабым, ленивым после секса, и ему отчаянно хотелось, чтобы его обняли, он даже мечтал снова заняться любовью. Его лоно было опухшим и болезненным, с ощущением инородного тела внутри. Увидев, что в шатре никого нет, и вспомнив, как его заполняли прошлой ночью, он непроизвольно потянулся рукой к промежности. Он хотел вытащить сперму, но, коснувшись бедра, не смог удержаться и ввёл пальцы внутрь, начав развратно мастурбировать. Он тосковал по нефритовому дилдо, который брат заказал специально для него, и сейчас отчаянно хотел его.

В полузабытьи он почувствовал, как кто-то целует его — хаотично, страстно. Его пальцы всё ещё ласкали промежность, тело было прикрыто лисьей шкурой. Когда он смог разглядеть, то увидел юношу в волчьей шапке, одетого как слуга, который тайком обнимал его. Красавец, ещё не совсем придя в себя, не мог разглядеть его в контражуре, но ощутил лёгкий аромат благовоний и свежий, родниковый привкус во рту.

Парень казался совсем юным. Непонятно, как он пробрался сюда, но, увидев, как Красавец развратно сжимает бедра, он осмелел и страстно приник к его губам. Красавец, сидя на кровати, был слишком ошеломлён, чтобы сопротивляться, и, запрокинув голову, отдавался поцелую. Парень, который пробрался сюда, чтобы лишь взглянуть на него, увидел его обнажённым и трогаящим себя, и, охваченный страстью, набросился на него.

Красавец сидел на кровати в его объятиях, его тонкая талия была крепко сжата. Чем дольше длился поцелуй, тем больше он терял контроль над мыслями: то ему казалось, что это брат, то — Шаньюй, то — противный вонючий кабан. Парень тоже был вне себя, забыв, зачем пришёл, и, крепко обняв Красавца, целовал без остановки.

<http://bllate.org/book/16253/1461930>